

С.В. Шарапов*

S.V. Sharapov*

**Производство и заготовки зерна
в Новосибирской области в 1942 году******Production and Procurement of Grain
in the Novosibirsk Region in 1942****

doi:10.31518/2618-9100-2021-4-5

doi:10.31518/2618-9100-2021-4-5

УДК 9(47)«1942»

Выходные данные для цитирования:

How to cite:

Шарапов С.В. Производство и заготовки зерна в Новосибирской области в 1942 году // Исторический курьер. 2021. № 4 (18). С. 53–66. URL: <http://istkurier.ru/data/2021/ISTKURIER-2021-4-05.pdf>

Sharapov S.V. Production and Procurement of Grain in the Novosibirsk Region in 1942 // Historical Courier, 2021, No. 4 (18), pp. 53–66. [Available online:] <http://istkurier.ru/data/2021/ISTKURIER-2021-4-05.pdf>

Abstract. State grain procurement policy of the war years remains a poorly understood aspect of the functioning of Soviet economy in the “hard times of the forties”. Grain campaign 1942/1943 coincided with a turning point in the course of the war, bloody battles for Stalingrad. Tension on the fronts was transferred to the rear. Using the example of the Novosibirsk region, the author analyzes methods of grain procurement in the context of the high requirements of political center for the volume of products coming from the region. The task of increasing grain yields turned out to be unbearable, and the excessive load on able-bodied rural population led to the neglect of elementary agrotechnical rules. As a result, the grain yield in 1942 turned out to be extremely low, and the actual yield was more than two times lower than the official yield calculated according to the “biological” method. However, state authorities were suspicious of the actual yield and harvest data, believing that collective farm peasantry was inclined to underestimate the volume of products in order to meet their own needs. This led to a sharp tilt towards command-administrative methods of grain procurement, accompanied by repression against the “saboteurs” and “plunders” of grain. However, the actual volumes of the 1942 harvest became an objective economic constraint that did not even allow them to come close to fulfilling the planned targets.

Keywords: agrarian policy of the Soviet state; agriculture; grain procurements; Great Patriotic War; Siberia.

The article has been received by the editor on 19.05.2021.

Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация. Хлебозаготовки остаются малоизученным аспектом функционирования советской экономики военного периода. Кампания 1942/1943 г. совпала с переломным этапом в ходе войны, кровопролитными боями за Сталинград. Напряжение на фронтах передавалось тылу. В статье на примере Новосибирской области проводится анализ методов заготовок зерна в условиях ужесточения требований политического Центра к объемам поступающей из регионов продукции. Задача повышения урожайности оказалась непосильной, а чрезмерная нагрузка на трудоспособное население деревни привела к пренебрежению элементарными агротехническими правилами. В итоге полученный урожай зерновых в 1942 г. оказался чрезвычайно низким, причем фактическая урожайность была более чем в два раза ниже официальной, исчисленной по «биологическому» методу. Однако к данным о количестве собранного и намолотого хлеба, поступавшим от колхозов, государство относилось с подозрением, полагая, что колхозное крестьянство склонно занижать

* **Шарапов Сергей Валерьевич**, кандидат исторических наук, Институт истории Сибирского отделения Российской академии наук, Новосибирск, Россия, e-mail: sharapovsv1@yandex.ru

Sharapov Sergey Valerievich, Candidate in Historical Sciences, Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russia, e-mail: sharapovsv1@yandex.ru

** Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 21-09-43020.

Funding: The research was funded by RFBR, project number 21-09-43020.

объемы произведенной продукции ради удовлетворения собственных потребностей. Это привело к резкому крену в сторону командно-административных методов ведения кампании, сопровождаемых репрессиями против «саботажников» и «расхитителей» зерна. При этом реальные объемы урожая 1942 г. стали объективным экономическим ограничителем, не позволившим даже приблизиться к выполнению плановых показателей.

Ключевые слова: аграрная политика Советского государства; сельское хозяйство; хлебозаготовки; Великая Отечественная война; Сибирь.

Введение. С недавнего времени региональный аспект государственной хлебозаготовительной политики 1920–1940-х гг. стал предметом пристального изучения сибирских историков. Если довоенный период к настоящему времени уже получил подробное научное описание¹, то хлебозаготовки в Сибири в 1940-е гг. изучены недостаточно². В данной статье анализируется кампания 1942/43 г. в одном из основных хлебопроизводящих регионов Западной Сибири – Новосибирской области.

Изучение хода хлебозаготовок на региональном уровне вскрывает специфику взаимодействия между местным партийно-государственным руководством и непосредственными сельхозпроизводителями в решении одной из важнейших хозяйственно-политических задач снабжении зерном воюющего государства. В условиях военного времени, когда продукция изымалась без оглядки на ущерб, наносимый производителям, для региональных властей важно было выработать соответствующие экстремальному характеру ситуации коммуникативные и управленческие практики, которые бы обеспечивали стабильный приток зерна на заготовительные пункты. Ценными источниками для изучения данной проблемы оказались выявленные в Государственном архиве Новосибирской области стенограммы заседаний бюро областного комитета ВКП(б), которые раскрывают условия и обоснования принимавшихся управленческих решений. На наш взгляд, для того чтобы выявить особенности хлебозаготовительной кампании 1942/43 г., следует реконструировать весь цикл производства зерновых урожая 1942 г., в т.ч. проанализировать посевную и уборочную кампании.

В 1943 г. из состава Новосибирской области выделилась Кемеровская область, соответственно, план хлебосдачи из урожая 1942 г. был разделен между двумя регионами. С целью сохранения территориальных рамок исследования сведения о выполнении плана и завершении кампании приводятся в рамках границ Новосибирской области до 1943 г.

Весенняя посевная кампания. На фоне успехов Красной армии в начале 1942 г. (Московская, Калужская, Керченско-Феодосийская, Демянская наступательные операции) советская пресса обнадежила население скорым окончательным переломом в ходе боевых действий. В феврале 1942 г. на страницах советских газет была напечатана статья М.И. Калинина, преисполненная ожиданиями близкой победы над врагом: «Город за городом, район за районом освобождаются от ига немецко-фашистских захватчиков. Близок час, когда все наши оккупированные немцами республики снова вернутся в свою родную семью. Каждый день увеличивается число украинских населенных пунктов, возвращаемых Родине. Все ближе и ближе к нашим наступающим частям границы Белоруссии, Латвии, Эстонии, Литвы. Нашим братьям уже недолго осталось страдать под ярмом розенбергов, кохов и прочих проходимцев»³.

¹ Ильиных В.А., Лапердин В.Б. Хлебозаготовки в Сибири в 1930-е годы. Новосибирск, 2020; Рынков В.М. Методы и результаты проведения хлебозаготовительной кампании 1940–1941 годов в Новосибирской области // Сибирь в XVII–XX веках: проблемы политической и социальной истории: Бахрушинские чтения 1999–2000 гг. Новосибирск, 2002 С. 157–176; и др.

² Шаранов С.В. Уборочная и хлебозаготовительная кампании в Новосибирской области в 1941 году // Исторический курьер. 2020. № 3. С. 176–187 [Электронный ресурс]. URL: <http://istkurier.ru/data/2020/ISTKURIER-2020-3-17.pdf> (дата обращения: 10.05.2021); Шаранов С.В. Хлебозаготовки в Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны: планы и результаты // ЭКО. 2021. № 5. С. 155–174.

³ Советская Сибирь. 1942. 7 февр.

Перед советской экономикой в целом и ее аграрным сектором в частности ставились общие задачи поддержать фронтовые успехи наращиванием объемов выпускаемой продукции. От сельского хозяйства, которое испытывало острый дефицит тягловой и рабочей силы, требовалось расширение посевных площадей, повышение урожайности зерновых и технических культур, увеличение производства мяса, масла, сахара, хлопка, льна, риса, табака и другой продукции⁴. При отсутствии иных экономических оснований для роста сельского хозяйства власти рассчитывали на увеличение производительности труда за счет его эффективной организации и патриотического подъема. «Работать по-военному, не покладая рук» – таков был призыв, с которым официальная пропаганда обращалась к труженикам села. Непосредственная же «массово-политическая» работа и административный контроль за ходом выполнения сельскохозяйственных планов возлагались на местное руководство. Для его укрепления осенью 1941 г. были вновь созданы политотделы машинно-тракторных станций (МТС) и совхозов. Их цели, как указывалось в соответствующем постановлении Политбюро ЦК ВКП(б), заключались в «повышении политической работы» и «внедрении дисциплины и порядка» на МТС, в совхозах и колхозах⁵.

Для Новосибирской области уже в ноябре 1941 г. были установлены задания по расширению посевных площадей на следующий год. Так, в 1942 г. посевы зерновых культур должны были вырасти на 200 тыс. га, а технических культур на 48 тыс. га⁶. Указания были даны на фоне дефицита семенного материала в колхозах области. Так, на 1 ноября 1941 г. семян зерновых было засыпано всего лишь около 30 % от плана на 1942 год⁷.

20 января 1942 г. постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) регионы были предупреждены о том, что в связи с большими расходами зерна отпуск семенных ссуд производится не будет⁸. На местах должны были изыскивать ресурсы для посевной кампании собственными силами. Руководство Новосибирской области принимало экстренные меры по мобилизации зерна из всех возможных источников. Колхозам было поручено выкупать зерно, находившееся в личной собственности членов артелей, направлять колхозников на сбор зерна с необрушенных колосьев урожая прошлого года, появившихся из-под растаявшего снега, и т.д.

Однако главным источником обеспечения ресурсами на посевную кампанию для нуждающихся колхозов и районов стала организованная обкомом и облисполкомом кампания межрайонной семенной взаимопомощи. Районы, не испытывавшие недостатка в семенах, в соответствии с разверстанным 2 февраля 1942 г. планом должны были передать излишки на пункты Заготзерно для дальнейшего распределения. При этом областное руководство закрывало глаза на неизбежный негативный эффект командно-административного подхода к решению семенной проблемы. Было очевидно, что принудительное перераспределение семенного материала снизит заинтересованность наиболее производительных колхозов в увеличении продукции (зачем производить больше, если излишки все равно будут изъяты в помощь менее успешным соседям?). Более того, обком ВКП(б) прямо ориентировал районы на то, что семена для взаимопомощи следует изыскивать любыми способами, в т.ч. «запуская руку» в продовольственные и фуражные фонды артелей, сокращая нормы высева и т.д.

Вполне предсказуемо кампания семенной взаимопомощи наталкивалась на нежелание районов (в большинстве случаев вызванное отсутствием излишков) оказывать помощь соседям. Во время заседания бюро обкома 10 марта 1942 г. первый секретарь М.В. Кулагин с тревогой сообщал о том, что в районах «чувствуется определенное сопротивление, чувствуется нежелание районных работников несколько побеспокоить себя дополнительными трудностями»⁹. Сопротивление на местах надлежало сломить. В тот же день происходило обсуж-

⁴ Правда. 1942. 2 янв.

⁵ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1986. Т. 7. С. 260.

⁶ Советская Сибирь. 1942. 10 янв.

⁷ Государственный архив Новосибирской области (ГАО). Ф. П-4. Оп. 5. Д. 359. Л. 231.

⁸ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 197. Л. 151.

⁹ ГАО. Ф. П-4. Оп. 33. Д. 565. Л. 167.

дение ходатайств Тегульдетского и Таштагольского районов об освобождении их от оказания помощи другим районам. Ходатайства были отклонены, а поведение районных властей расценено как «антигосударственное».

Задача сломить сопротивление районов решалась, в т.ч., путем отдачи под суд отдельных руководителей, срывавших поставки семян для взаимопомощи. Показателен пример Кемеровского района. Председатель райисполкома Бадулин – старый, опытный работник, а сам район уже долгое время был в числе лидеров по урожайности зерновых (де-факто именно Бадулин вел дела, поскольку первый секретарь райкома был недавно назначен и не имел практического опыта). Однако вместо запланированных 15 тыс. ц семян по взаимопомощи район сдал всего 2 тыс. Бюро обкома ВКП(б) пришло к заключению, что район имел все возможности сдать требуемое количество зерна, но его руководители пошли на поводу «мелко-собственнических настроений»¹⁰. В результате Бадулин был показательно снят с должности и отправлен под суд, а М.В. Кулагин на заседании бюро обкома объяснил столь жесткое решение тем, что «нужно воспитывать таких старых работников, нужно их приучать к дисциплине, особенно же в военное время, а Бадулин об этом совсем забыл»¹¹. Данный случай характеризует политику областного руководства в отношении районных властей. Важно было принудить последних к реализации, в первую очередь, государственных интересов, даже если они противоречили локальным хозяйственным интересам района. В этой связи допустимо было пожертвовать опытным хозяйственником на посту председателя райисполкома ради укрепления «государственной дисциплины» среди других ответственных работников.

Несмотря на все принимавшиеся меры семян в области по-прежнему не хватало. 12 мая 1941 г. Новосибирский обком решил войти с ходатайством в ЦК ВКП(б) об отпуске семенной ссуды для колхозов области¹². Однако 19 мая во время телефонного звонка секретарь и заведующий сельхозотделом ЦК ВКП(б) А.А. Андреев сообщил М.В. Кулагину об отказе¹³. Позднее, 29 мая, обком предпринял еще одну попытку, ходатайствуя о выдаче ссуды размером в 80 тыс. ц. На этот раз решение было положительным, хотя запрос и не был удовлетворен в полном объеме. Колхозам Новосибирской области было отпущено для весеннего сева 60 тыс. ц зерна в порядке обмена на мясо¹⁴.

В результате принятых мер посевы зерновых культур в 1942 г. действительно выросли на запланированные 200 тыс. га (в 1941 г. посевная площадь по всем категориям хозяйств составляла 2 863,9 тыс. га, в 1942 г. – 3 055,8 тыс. га¹⁵). Однако это расширение имело свою специфику. Во-первых, оно происходило в основном за счет увеличения посевов озимых (на чем настаивало правительство, рассчитывая, что рост озимого клина будет способствовать равномерному распределению трудовой нагрузки на людей и технику в течение года). Во-вторых, значительно изменились пропорции различных зерновых культур в структуре посевов. Так, по сравнению с 1941 г. резко возросли посеы проса (на 72,3 %) и гречихи (на 79,4 %), в то время как посеы пшеницы сократились на 6,4 %, а ячменя на 23,3 %¹⁶. В-третьих, расширение посевных площадей происходило в основном не за счет распашки целинных земель, а через уплотнение посевов на уже введенной в оборот пашне¹⁷. Это, в свою очередь, вело к резкому сокращению земель, отводившихся под пары, и, как следствие, к срыву намеченных севооборотов, нарушениям правильной системы ротации культур.

Посевы проводились зачастую некондиционными семенами. На пренебрежение агротехникой и семеноводством во время весенней посевной кампании обращал внимание в личной записке на имя М.В. Кулагина агроном-директор Томской льняной опытной станции

¹⁰ Там же. Д. 572. Л. 71.

¹¹ Там же. Л. 73.

¹² Там же. Д. 601. Л. 6.

¹³ Там же. Д. 604. Л. 61.

¹⁴ Там же. Д. 612. Л. 43.

¹⁵ Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 8040. Оп. 3. Д. 872. Л. 38.

¹⁶ ГАНУ. Ф. П-4. Оп. 33. Д. 640. Л. 9.

¹⁷ Там же. Оп. 6. Д. 235. Л. 274.

В.А. Стенин: «Кому нужно такое расширение посевов, как это имело место в Томском районе в 1942 г., к сожалению, не являющимся исключением, когда с 15 по 25 июня вопреки всякому здравому смыслу, без какого-либо соблюдения агротехнических правил засеяли около 2 тыс. га семенами проса, взятыми из ликероводочного треста, неизвестного происхождения и всхожести. О стопроцентном выполнении плана рапортовали, кое-кто сохранил партбилет и прочее. А результат – обман государства и народа, испорченные 60 ц крупы, которыми можно было бы порядочное количество времени кормить дивизию, так как эти посева ничего, или почти ничего, не дали, кроме засорения земли. Я был свидетелем того, как в трех колхозах – «Имени Ворошилова», «Заветы Ленина», «Ударник» – 22 июня действительно сеяли, разбрасывали по полю семена, а не съели их, и как в августе месяце эти же поля с одиночными растениями проса перепахивались под рожь»¹⁸.

Кампания расширения посевных площадей обернулась к тому же распылением тяговых и трудовых ресурсов. Вместе с ростом посевной, а соответственно и уборочной площади, росла нагрузка на трудоспособное население деревни, которое стремительно сокращалось в ходе мобилизаций в армию и на промышленное производство. Если в 1941 г. в колхозах области числилось 403,3 тыс. трудоспособных человек, то к 1942 г. их количество сократилось до 320 тыс., а к 1943 г. – до 288 тыс. (не считая детей и подростков). При этом нагрузка на одного трудоспособного выросла с 4,9 га в 1941 г. до 7,2 га в 1943 г. Следует учитывать, что приведенные данные были рассчитаны исходя из списочного состава трудоспособного населения. Фактическая же нагрузка была значительно выше. В отдельных районах (Черепановском, Купинском, Чистоозерном и др.) она превышала 15 га на человека¹⁹. Значительно изменился и качественный состав трудоспособного населения, которое теперь состояло главным образом из женщин, имевших детей и личное хозяйство, а также незначительного количества мужчин, негодных к военной службе. Частично проблема нехватки рабочей силы решалась путем временной мобилизации на сельскохозяйственные работы незанятого городского населения, которое также в основном состояло из женщин-домохозяек.

Ситуация усугублялась увеличением доли ручного труда в связи с сокращением возможностей МТС. Вследствие острой нехватки механизаторских кадров и низкого качества ремонта машин, план тракторных работ по Новосибирской области за 1942 г. был выполнен только на 56,3 %, а план комбайновой уборки на 49,4 %²⁰. Заметная изношенность машин, нехватка запасных частей для их ремонта, низкая квалификация и неопытность механизаторских кадров привели к тому, что часть тракторов совершенно выбыла из строя, а та часть, которая участвовала в полевых работах, давала низкую выработку. Так, выработка на один пятнадцатисильный трактор в 1940 г. составила 359,7 га, а в 1942 г. всего лишь 223 га. Кроме того, резко сократились резервы живой тяговой силы. Если на начало 1940 г. в колхозах области насчитывалось 171,37 тыс. голов рабочих лошадей, то на 1 июля 1943 г. их осталось только 93,4 тыс.²¹

Нехватка машин, людей, живого тягла при возросшем объеме сельскохозяйственных работ привели к ухудшению качества обработки почвы, несвоевременному выполнению основных сельскохозяйственных работ и срыву агротехнических мероприятий значительной частью колхозов. О негативных последствиях кампании по расширению посевных площадей говорилось в отчете Новосибирского обкома ВКП(б) о работе за военный период: «Доведя к 1943 г. посевные площади до максимальных размеров, в то же время обком допустил упрощенчество и грубейшие нарушения основных правил агротехники, в результате чего за все эти годы планы вспашки паров и подъема зяби, вывозки удобрений и снегозадержания не выполнялись, снижено качество и допущено растягивание сроков посевных работ; были нарушены, а также не осваивались введенные севообороты»²².

¹⁸ ГАНУ. Ф. П-4. Оп. 6. Д. 235. Л. 274.

¹⁹ Там же. Оп. 7. Д. 304. Л. 66 об. – 67.

²⁰ Там же. Л. 57.

²¹ Там же. Л. 140.

²² Сельское хозяйство в Сибири в XX веке: проблемы развития и кризисы. Новосибирск, 2012. С. 307.

Уборочная кампания. Уборка хлеба в 1942 г. началась в условиях дождливой погоды, при значительно сократившемся количестве комбайнов, нехватке горючего и лошадей, недостатке опытных кадров. Областное руководство, заинтересованное в увеличении сбора урожая, вынуждало колхозы вести косовицу недозревших хлебов (чтобы не оставить нескошенные площади под снегом при наступлении ранних заморозков). Собранное в таких условиях зерно требовало тщательной очистки и просушки, что ложилось дополнительными трудовыми затратами на плечи колхозников. Проблему при этом представляла слабая экономическая заинтересованность колхозников в артельном труде. На протяжении уже нескольких лет колхозный трудодень обесценивался. Так, в 1940 г. в Новосибирской области колхозник в среднем получал 0,8 кг хлеба на трудодень, в 1941 г. – 1,1 кг, в 1942 г – 0,4 кг²³ (для сравнения, в 1938 г. оплата трудодня составляла в среднем 3,3 кг²⁴). Попытки стимулировать трудовую активность путем введения дополнительной оплаты за отдельные виды или надбавок за высокую урожайность не возымели результата. В условиях резко сократившихся фондов, которые можно было пустить на оплату труда, надбавки оказывались мизерными.

Во время войны, однако, от сельских тружеников требовалась максимальная самоотдача. Одним из основных инструментов неэкономического стимулирования труда была «массово-политическая», разъяснительная работа среди колхозников. Значение пропаганды для хозяйственно-политических кампаний военного времени возросло. Перед началом уборочной кампании партийные и комсомольские силы в деревне должны были быть расставлены с таким расчетом, чтобы в каждой полеводческой бригаде и при каждом комбайновом агрегате находился агитатор²⁵.

Однако, несмотря на все усилия пропаганды, совместить индивидуальные интересы крестьян-колхозников с государственными интересами на неэкономической основе оказывалось затруднительно. Во время обсуждения на заседании бюро обкома ВКП(б) положения дел в Коченевском районе 8 августа 1942 г. заместитель заведующего организационно-инструкторским отделом А.Б. Озирский докладывал: «Вместо того, чтобы убирать колхозное сено, колхозники в первую очередь бросились убирать свое собственное сено и под различными предлогами <...> стараются пораньше уйти с поля, идут косить сено для себя и стараются приходить позже на работу, чтобы покосить сено для своей коровы. Мне кажется, что на это надо серьезно посмотреть. Именно это обстоятельство, что у нас дело запущено, бывает потому, что колхозники свои личные интересы ставят выше интересов общественного производства»²⁶.

Многочисленные распоряжения, исходившие от обкома и облисполкома, давались в расчете на мобилизацию всех возможных ресурсов на районном уровне. Поскольку рассчитывать на полноценную работу комбайнов во время уборки и обмолота не приходилось, перед колхозами ставилась задача готовить живое тягло, ремонтировать простейшие и конно-уборочные машины. М.В. Кулагин на заседании бюро обкома ВКП(б) 21 июля говорил о необходимости «поднять ярость колхозов и районов», чтобы «колхозники знали, что они будут работать с первого дня уборки, не взирая ни на какие условия»²⁷. Однако темпы ремонта простейших машин оставляли желать лучшего. По состоянию на 20 июля 1942 г. план ремонта сноповязалок был выполнен на 19,9 %, жаток – на 32, молотилок – на 32, зерноочистительных машин – на 27 %²⁸.

Решения областных властей, предполагавшие переброску рабочей силы в порядке «штурмовщины» на тот или иной фронт работ, создавали дополнительную путаницу на местах. 12 июня обкомом и облисполкомом было издано постановление, в котором вполне справедливо отмечалось, что затяжка весеннего сева в 1942 г., среди прочего, была вызвана

²³ Там же. С. 310

²⁴ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 73. Оп. 2. Д. 35. Л. 49.

²⁵ ГАНУ. Ф. П-4. Оп. 33. Д. 625. Л. 5–6.

²⁶ Там же. Д. 629. Л. 57об.

²⁷ Там же. Д. 625. Л. 120.

²⁸ Там же. Д. 627. Л. 50.

отсутствием подготовленных земель. Чтобы избежать повторения ошибки устанавливались пятидневные задания по вспашке пара и ранней зяби по районам²⁹. Однако в тот же день было принято другое постановление, предписывавшее направить все без исключения трудовые ресурсы на сеноуборку и силосование кормов для скота³⁰. Очевидно, что последнее постановление делало невыполнимым первое. С началом же уборочной кампании областное руководство распорядилось переключить все трудоспособное население деревни на косовицу хлебов, даже в тех районах, где сеноуборка не была завершена³¹. Постановления безапелляционно требовали «аврального» подхода к выполнению ставившихся задач, лишая районное руководство гибкости в распределении трудовых ресурсов. 13 августа 1942 г. во время обсуждения хода уборки зерновых в Шегарском районе состоялся показательный диалог между М.В. Кулагиным и начальником политотдела Баткатской МТС Зайковым, который вынужден был давать объяснения недостаточным темпам косовицы:

«Зайков: Почти все колхозы у нас занимались кроме уборки еще и сенокосом, т.к. не кончили убирать сено. <...> Мы не могли бросить неубранным сено.

Кулагин: Надо было и сено стоговать и хлеб убирать.

Зайков: Мы так и делали.

Кулагин: Вы опять не понимаете: надо было обеспечить полным ходом уборку урожая, а все остальное время посвятить стогованию сена. У вас главная ошибка в том, что вы распылили силы, а хлеб стоит неубранным и осыпается. В то же время можно было полным ходом вести уборку сена и за счет высокой производительности иметь силы для сеноуборки»³².

Вина за недостаточную мобилизацию колхозников на «трудовой подвиг» непосредственно возлагалась на низовое управленческое звено: райкомы, райисполкомы, политотделы. Так, например, начальник политотдела Прокопьевской МТС объяснял на заседании бюро 15 сентября обкома провал уборочной кампании тем, «что мы не сумели своих работников, которые работают на комбайнах и тракторах в колхозах, заставить так работать, чтобы они прилагали сверхчеловеческие усилия, а не рассчитывали таким образом – насколько способны, настолько и уберем»³³.

Централизованное администрирование сельскохозяйственных работ путем издания многочисленных постановлений, предписывавших сроки и объемы выполнения работ, распределение людей и техники наталкивалось на бессилие районных властей мобилизовать необходимые ресурсы и пассивное сопротивление самих колхозников. В условиях угрозы срыва уборочной кампании областное руководство настаивало на применении принудительных мер для привлечения колхозников к артельному труду. На заседании бюро обкома ВКП(б) 15 сентября М.В. Кулагин дал следующую установку присутствовавшим районным руководителям: «Надо резко изменить отношение партийных организаций к вопросу участия колхозников и колхозниц на работе; надо покончить с этой слюнтявой линией уговаривания. Колхозники и колхозницы должны работать на своем участке не покладая рук. <...> Если комбайны не работают, пусть колхозники выходят со своей семьей, работают день и ночь, но хлеб должен быть убран»³⁴.

Разумеется, при такой постановке дела значительная роль в укреплении трудовой дисциплины колхозников отводилась органам НКВД, прокуратуры и суда, которые критиковались за недостаток «целеустремленности, боевитости и оперативности»³⁵. Следственные и судебные органы должны были активизировать борьбу с «саботажниками» и «лодырями», не вырабатывавшими обязательного минимума трудодней. Как показывают данные, приведенные в докладной записке управления НКВД по Новосибирской области, с августа 1942 г.

²⁹ ГАНО. Ф. П-4. Оп. 33. Д. 613. Л. 12–13.

³⁰ Там же. Л. 13–21.

³¹ Там же. Д. 632. Л. 3–15.

³² Там же. Д. 631. Л. 69 об.

³³ Там же. Д. 637. Л. 170 об.

³⁴ Там же. Л. 176.

³⁵ Там же. Д. 639. Л. 117.

количество арестов за «антисоветскую» деятельность в деревне и уголовные преступления в сельском хозяйстве возрастало с каждым месяцем (табл. 1).

Таблица 1

Динамика арестов за «антисоветскую» деятельность и уголовные преступления в сельском хозяйстве в Новосибирской области за август–ноябрь 1942 г., чел.*

Аресты	Август	Сентябрь	Октябрь	Ноябрь	Всего
За «антисоветскую» деятельность	66	96	88	109	319
За уголовные преступления	238	328	331	465	1 362

Составлено по: ГАНО. Ф. П-4. Оп. 6. Д. 235. Л. 344–357 об.

* В число уголовных преступлений в сельском хозяйстве включались: срыв сельскохозяйственных работ, растратирование, хищение, умышленные потери и порча зерна, порча и поломка сельскохозяйственных машин, варварское отношение к живой тягловой силе.

Несмотря на растянувшиеся сроки уборки, по данным на 15 октября 1942 г. план колхозами был выполнен на 99 %, причем комбайнами было убрано всего 25,6 % от уборочной площади³⁶. Нарушения элементарных агротехнических правил в итоге негативно сказалось на урожайности зерновых. По официальным данным биологическая урожайность зерновых составила в 1942 г. 8,6 ц/га (по сравнению с 10,5 ц/га в 1941 г. и 8,9 ц/га в 1940 г.)³⁷. Следует при этом иметь в виду, что «биологический» метод определения урожайности не учитывал потери зерна во время уборки и обмолота, которые резко возросли во время войны (в связи с несоблюдением сроков уборки, нехваткой машин и топлива). По данным, приведенным в докладной записке, составленной В.А. Стениным, фактическая урожайность зерновых в Новосибирской области составила в 1942 г. 4,1 ц/га (по сравнению с 7,0 ц/га в 1941 г. и 6,3 ц/га в 1940 г.)³⁸. Аналогичные данные об урожайности (4,1 ц/га), однако только для колхозов области, приводит в своей монографии Ю.В. Арутюнян³⁹. Таким образом есть все основания полагать, что реальные объемы собранного урожая были более чем в два раза ниже официальных оценок, рассчитанных на основе биологической урожайности.

Хлебозаготовительная кампания. При чрезвычайно низкой фактической урожайности хлебозаготовительный план 1942/43 г. для Новосибирской области превышал планы двух предыдущих лет. Область должна была сдать государству 1 108,992 тыс. т зерна (920,753 тыс. т в 1941/42 г. и 1 079,868 тыс. т в 1940/41 г.)⁴⁰. В 1941 г. государство предоставило Новосибирской области относительную «передышку», несмотря на начавшуюся войну. Временное послабление было вызвано жестким социально-экономическим кризисом, в котором оказалось сельское хозяйство региона на рубеже 1940–1941 гг. в результате засухи и завышенного налогового-податного обложения⁴¹. С 1942 г. нажим на область вновь резко усилился. Помимо привычных видов заготовок (обязательные поставки, натуроплата за работы МТС и др.) с 1942 г. колхозы были обязаны сдавать часть зерна, определяемую исходя из количества гектаров пашни, закрепленной за ними, в специально созданный хлебный фонд Красной армии.

С самого начала кампании темпы сдачи зерна отставали от плановых (табл. 2). На 25 сентября 1942 г. процент выполнения годового задания составил только 15,1 % (для

³⁶ ГАНО. Ф. П-4. Оп. 6. Д. 235. Л. 220.

³⁷ Там же. Оп. 7. Д. 304. Л. 142.

³⁸ Там же. Оп. 9. Д. 204. 176 об.

³⁹ Арутюнян Ю.В. Советское крестьянство в годы Великой Отечественной войны. М., 1970. С. 430.

⁴⁰ РГАЭ. Ф. 8040. Оп. 3. Д. 871. Л. 66.

⁴¹ Шарапов С.В. Сельское хозяйство Новосибирской области и Алтайского края накануне Великой Отечественной войны: экономический и социально-политический аспекты // Гуманитарные науки в Сибири. 2021. Т. 28. № 1. С. 81–88.

сравнения, в 1941 г. на ту же дату план был выполнен на 35,4 %) ⁴². Окончательно положение дел приобрело угрожающий характер в ноябре 1942 г. К 20 ноября план хлебозаготовок по области был выполнен на 39,7 %. Причем первые четыре пятидневки месяца показали замедление темпов хлебосдачи: первая пятидневка дала прирост в выполнении плана на 2,2 %, вторая пятидневка – на 2, третья пятидневка – на 1,4, четвертая пятидневка – на 1,7 % ⁴³. Районы, как правило, объясняли столь низкие темпы затянувшимся обмолотом хлебов (вследствие нехватки техники, топлива и рабочих рук), а также отсутствием в достаточном количестве транспорта для вывозки уже обмолоченного зерна на заготовительные пункты.

Таблица 2

Итоги хлебозаготовок в Новосибирской области
в 1942/1943 г. по видам и секторам*

Виды и сектора заготовок	20.09.1942	15.11.1942	15.12.1942	20.01.1943	1.07.1943
Заготовлено зерна, тыс. т					
Плановые заготовки	137,133	428,796	–	651,727	665,405
Обязательные поставки	80,934	170,827	215,544	247,747	250,254
Натуроплата	25,127	158,427	205,798	244,652	251,531
Возврат ссуд колхозами	2,178	5,831	6,683	7,256	7,256
Хлебосдача совхозов	17,379	51,957	–	77,658	79,001
Возврат ссуд совхозами	0,049	0,131	–	0,163	0,163
Хлебный фонд РККА	11,466	38,362	57,445	73,939	76,855
Выполнение годового плана, %**					
Плановые заготовки	12,4	38,5	–	58,5	59,7
Обязательные поставки	21,6	45,5	57,4	66,0	66,7
Натуроплата	5,0	31,4	40,8	48,5	49,9
Возврат ссуд колхозами	34,3	91,7	105,1	114,2	114,2
Хлебосдача совхозов	16,1	46,4	–	67,9	69,0
Возврат ссуд совхозами	60,0	160,0	–	200,0	200,0
Хлебный фонд РККА	10,0	33,4	50,1	64,5	67,0

Составлено по: РГАЭ. Ф. 8040. Оп. 3. Д. 865а. Л. 7; Д. 871. Л. 104; Д. 872. Л. 15, 35, 212; Д. 977 Л. 181, 183, 185, 187, 189, 193, 211.

* В таблице приведены оперативные данные Наркомата заготовок СССР.

** Показатели выполнения плана рассчитаны от действующего на указанную дату варианта годового заготовительного задания.

Областное руководство не удовлетворялось подобными объяснениями. Так, на заседании бюро обкома 11 ноября 1942 г. уполномоченный наркомата заготовок по Новосибирской области Н. Блинов пришел к выводу, что «основной и главной причиной» снижения темпов

⁴² ГАНУ. Ф. П-4. Оп. 33. Д. 640. Л. 4.

⁴³ Там же. Д. 653. Л. 3.

хлебосдачи являлось нежелание крестьян сдавать зерно: «В отдельных районах, колхозах явный саботаж сдачи хлеба государству. Причем этот саботаж прикрывается оговорками, что хлеб сырой, нет достаточного транспорта для вывозки, нет намолоченного хлеба. <...> Все это привело к тому, что если сейчас не принять решительных мер и не сломить саботаж в сдаче хлеба государству, хлеб уйдет, потому что хлеб тащат направо и налево»⁴⁴. Столь радикальное объяснение, из которого следовало, что в области наличествовали целые районы-«саботажники», было уклончиво расценено обкомом как некорректное. Так, М.В. Кулагин предложил иначе определить причины отставания: «Прежде всего, насколько будет правильным вывод, что у нас в Новосибирской области хлеб сдавать не хотят, это вывод, который сделал Блинов. Если такой вывод мы сделаем, то мы придем к неправильному решению. Это значит – голое администрирование, административный произвол, это путь многочисленных репрессий и забвения массово-политической работы. <...> Это неправильно. <...> Мы должны вывод совершенно другой сделать, что в колхозах хлеб есть, колхозники и колхозницы, и руководители колхозов хлеб государству сдавать хотят и его не сдают только потому, что еще до сего времени не организованы хлебозаготовки»⁴⁵.

Однако сама государственная хлебозаготовительная политика косвенным образом подталкивала колхозное крестьянство на путь расхищения зерна. В начале октября 1942 г. в Новосибирский обком поступила телеграмма от СНК СССР и ЦК ВКП(б), в которой ход заготовок зерна в области был расценен как неудовлетворительный: на 1 октября колхозы и совхозы сдали на 4,5 млн пудов меньше, чем в 1941 г. Телеграмма ориентировала местные власти на ужесточение контроля над проводившейся кампанией: «Лиц, оказывающих под различными предлогами сопротивление сдаче хлеба государству и плетущихся в хвосте антигосударственных настроений со стороны отдельных колхозов и колхозников, нежелающих сдавать хлеб государству, предавать суду по законам военного времени, снимать с постов и понижать в должности»⁴⁶. Кроме того, предписывалось запретить колхозам создание каких бы то ни было фондов, кроме семенных, до выполнения плана обязательных поставок, натуроплаты за работы МТС и возврата семенных ссуд⁴⁷. При этом продолжало действовать постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 1 августа 1940 г., следуя которому, до выполнения хлебозаготовительного плана колхоз имел право расходовать на внутриколхозные нужды не более 15 % от сданного государству зерна⁴⁸. В условиях низкой урожайности и завышенных планов это приводило не к усилению темпов хлебосдачи, а, напротив, к росту хищений зерна: колхозники, убеждавшиеся в невыполнимости планов, а значит, в невозможности формирования колхозных продовольственных и фуражных фондов, оказывались перед соблазном, нарушая закон, изыскивать возможности для удержания части зерна для внутреннего потребления.

Областные власти, разумеется, осознавали опасность того, что зерно придерживается в колхозах и не вывозится на заготовительные пункты. В колхозах, по данным управления НКВД по Новосибирской области, имели широкое распространение различные способы утайки зерна от заготовителей: укрытие необмолоченного зерна в соломе или под видом отходов, выдача зерна на трудодни по «черной» ведомости с последующим ее уничтожением, переавансирование колхозников против установленных норм, умышленная порча зерна для того, чтобы его не приняли на заготовительные пункты, засыпка зерна с общих посевов под видом семян и т.д.⁴⁹

Контроль и организация обмолота и вывоза хлеба, таким образом, становилась первостепенной по важности задачей, стоявшей перед всей структурой управления сельским хозяйством области. Однако районные власти, уполномоченные, направлявшиеся из

⁴⁴ ГАНО. Ф. П-4. Оп. 33. Д. 648. Л. 79.

⁴⁵ Там же. Л. 90–90 об.

⁴⁶ Там же. Оп. 6. Д. 235. Л. 211.

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ *Ильиных В.А.* Налогово-податное обложение сибирской деревни. Конец 1920-х – начало 1950-х гг. Новосибирск, 2004. С. 130.

⁴⁹ ГАНО. Ф. П-4. Оп. 6. Д. 235. Л. 352–353.

городов, политотделы, комсомольские организации, сами колхозы оказались не способны переломить замедление, возникшее в темпе кампании. На заседании бюро обкома 17 ноября 1942 г. М.В. Кулагин с разочарованием констатировал, что ни одна из принимавшихся мер не привела к положительным переменам: «С 1 ноября темпы хлебосдачи резко снизились, настолько резко снизились, что считать это каким-либо обычным упущением, недостатками в руководстве сельских райкомов делом хлебозаготовок уже стало нельзя и если бы мы дали такую оценку, это было бы неправильно»⁵⁰. Кулагин указывал на «недопустимое благодушие» и «успокоенность», которыми оказались захвачены все задействованные в заготовках ответственные работники: «В некоторых районах уже начали поговаривать о том, что план хлебозаготовок в этом году не реален для выполнения и поэтому, в связи с этим, не следует ли уже вместо борьбы за хлеб посмотреть – где, чего можно списать, где вместо хлеба можно сдать мясо»⁵¹.

Требовались чрезвычайные меры, принятие которых не заставило себя ждать. С целью борьбы с «благодушием» и «успокоенностью» на места были командированы сроком на 10 дней 15 бригад, состоявших из работников аппарата обкома с включением в них представителей облпрокуратуры и НКВД. Бригады направлялись в наиболее хлебные районы, «чтобы помочь районным организациям сломить саботаж <...> и переключить работу райкомов и всей организации в этой группе районов только на задачу хлебозаготовок»⁵². Одновременно во все районы области было разослано закрытое письмо секретарям райкомов с предписаниями во что бы то ни стало выполнить план хлебосдачи, сдавать все намолоченное зерно немедленно на заготовительные пункты, разоблачить и ликвидировать все «способы обмана государства, оттяжки хлебосдачи, разбазаривания и расхищения хлеба»⁵³.

Как показывает динамика хлебозаготовок, в ноябре–декабре 1942 г. перелом в темпы сдачи зерна так и не наступил (табл. 2). По всей видимости, объемы укрываемого от сдачи хлеба были не столь значительны, а действительная проблема заключалась в катастрофически низкой урожайности зерновых по области. Однако и политический центр предпочитал закрывать глаза на объективные, экономические причины провала кампании, возлагая вину на региональные власти и «вредителей» на местах. 23 ноября 1942 г. было принято специальное постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) о плохом руководстве хлебозаготовками Алтайским крайисполкомом и крайкомом ВКП(б). Основной причиной неудовлетворительного хода кампании были объявлены «политические колебания» краевых властей и отсутствие решительной борьбы с саботажем: «В условиях отечественной войны злейшими врагами родины, советского народа и партии являются саботажники хлебозаготовок с партбилетами в кармане, организующие обман государства и провал выполнения плана хлебозаготовок в угоду фашистам»⁵⁴. К ним следовало «применять суровые репрессии – исключать из партии, арестовывать, предавать суду и заключать в концлагеря»⁵⁵.

Несмотря на то, что постановление было адресовано властям конкретного региона, оно явно имело показательный, демонстративный характер, поскольку предназначалось к рассылке всем обкомам, крайкомам и ЦК компартий союзных республик⁵⁶ с очевидной целью «встряхнуть» регионалов, предупредив их о высокой ответственности и поставив перед угрозой репрессий.

Вслед за принятием специального постановления по Алтайскому краю, в декабре 1942 г. в Западную Сибирь выехал секретарь и заведующий сельхозотделом ЦК ВКП(б) А.А. Андреев (в конце 1943 г. он будет назначен народным комиссаром земледелия СССР). Цель его поездки – исправить ошибки местных властей и ускорить ход хлебозаготови-

⁵⁰ ГАНО. Ф. П-4. Оп. 33. Д. 651. Л. 88.

⁵¹ Там же.

⁵² Там же. Л. 88 об.

⁵³ Там же. Л. 85–86 об.

⁵⁴ ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 208. Л. 58.

⁵⁵ Там же.

⁵⁶ Там же. Л. 59.

тельной кампании. Составленные по единому шаблону выступления А.А. Андреева в Алтайском крае, Омской и Новосибирской областях на совещаниях региональных комитетов партии при участии секретарей райкомов, начальников политотделов МТС и директоров совхозов весьма красноречиво свидетельствовали о непоколебимой убежденности в том, что хлеб, необходимый для выполнения планов, в регионах имелся.

В доказательство А.А. Андреев апеллировал к официальным оценкам видов на урожай. Основанные на них расчеты позволяли предположить, что в хозяйствах остается достаточное количество хлеба. Тот факт, что при определении видовой урожайности не учитывались потери зерна во время уборки и обмолота, которые возросли в военное время, полностью игнорировался. Тем не менее, региональным властям было вменено во время хлебозаготовительной кампании опираться исключительно на оценку видовой урожайности, не обращая внимания на любые иные данные. 6 декабря 1942 г. было принято постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б), запрещавшее ЦСУ Госплана СССР и Наркомзему СССР собирать данные о фактическом намолоте урожая в колхозах. Такие сведения маркировались как искажающие действительную картину урожайности⁵⁷.

От Новосибирской области на совещании 10 декабря 1942 г. А.А. Андреев требовал покончить с «настроениями занижения урожая» и перестать «руководствоваться результатами намолота»: «Устанавливать урожайность – прерогатива государства, только оно может установить действительную урожайность хлебов. На каком основании вы оказались доверчивы к данным, которые исходят от колхоза? На каком основании оказались в недоверии к данным установленной видовой оценки урожая перед началом уборки и больше верите рваческим данным, составленным для обмана государства, данным, определяемым намолотом хлебов с малоурожайных участков. Это и вскрывает вашу неправильную ориентировку, вашу ориентацию на колхозы, а не на государство. Поверив данным о намолоте, вы связали себя по рукам и ногам. Кто поверил этим данным, тот конченный человек. Такой человек не может проводить хлебозаготовки»⁵⁸.

В результате вмешательства представителя политического центра методы ведения хлебозаготовок в области ужесточились. О переменах в отношении к колхозам докладывал заведующий сельхозотделом обкома В. Остаплюк: «До приезда Андрея Андреевича и до последних указаний обкома партии <...> было такое положение, что в основном занимались уговариванием, массово-политической разъяснительной работой: приезжаем в колхоз и ставим перед ним вопрос, что фронт требует, ты обязан перед государством, вези хлеб. <...> После 10-го декабря несколько иной тон почувствовался в разговорах с секретарями райкомов, председателями райисполкомов и другими руководящими районными работниками, чувствуется, что народ стал сейчас более твердо, стал сейчас понимать, как нужно брать хлеб, стали сейчас заниматься хлебом более твердо»⁵⁹.

Главная роль в реализации установки «брать хлеб» возлагалась на уполномоченных, посылаемых в деревню областными, районными и городскими партоорганизациями. Уполномоченные должны были проводить ревизию колхозных амбаров, полей и скирд на предмет выявления укрываемого или необмолоченного зерна, а затем организовывать его вывоз на заготовительные пункты. Однако и вмешательство представителя политического Центра не привело к положительным изменениям в динамике хлебозаготовок. М.В. Кулагин с разочарованием констатировал, что перелома в ходе кампании добиться не удалось: «Что произошло у нас, и у областных работников, и у руководящих районных работников, и у руководящих сельских работников после совещания, после тех указаний, которые сделал Андрей Андреевич: для вида, для формы делают все для того, чтобы выполнять эти указания, перестали высказывать открыто невозможность, нереальность выполнения плана хлебозаготовок, а чтобы хлеб брать, как раз этого перелома еще не произошло ни у областных уполномоченных, ни у районных руководящих работников, ни у сельских руко-

⁵⁷ ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 208. Л. 263.

⁵⁸ Там же. Л. 146–147.

⁵⁹ ГАНО. Ф. П-4. Оп. 33. Д. 655. Л. 112 об.

водящих работников. <...> Теплится и у тех, и у других, и у третьих еще внутри, в сознании надежда – а может быть государство, страна как-нибудь обойдется в этом году с меньшим количеством хлеба, нежели нам установлено сдать»⁶⁰. В итоге темпы прироста выполнения хлебозаготовительного плана с конца января 1943 г. сошли к минимуму, а процент его выполнения к 1 июля 1943 г. составил 59,7 %. Результаты кампании в других регионах Западной Сибири (Алтайский край выполнил план на 49,0 %, Омская область на 43,1 %⁶¹) свидетельствуют о схожей ситуации.

Заключение. Низкий урожай зерновых, полученный в Новосибирской области в 1942 г., накладывал объективные ограничения на возможности выполнения государственного хлебозаготовительного плана. Политическое руководство сознательно закрывало глаза на экономические затруднения, испытываемые сельхозпроизводителями, вынуждая областные власти ориентироваться исключительно на официальные оценки видовой урожайности, дававшие искаженную картину наличия хлеба в хозяйствах. Поэтому вина за провал кампании возлагалась, главным образом, на самих производителей, якобы не желавших сдавать хлеб. Здесь в очередной раз проявилось свойственное советской власти недоверие к колхозному крестьянству, которое с точки зрения государства хваталось за любую возможность, чтобы придержать зерно и растратить его на собственные нужды. Однако это недоверие имело под собой и политический расчет. Перенос вины на колхозы «развязывал руки» заготовителям, легитимируя административный «произвол» в отношении крестьянства.

Литература

Арутюнян Ю.В. Советское крестьянство в годы Великой Отечественной войны. М.: Наука, 1970. 459 с.

Ильиных В.А. Налогово-податное обложение сибирской деревни. Конец 1920-х – начало 1950-х гг. Новосибирск: ГУП РПО СО РАСХН, 2004. 167 с.

Ильиных В.А., Лапердин В.Б. Хлебозаготовки в Сибири в 1930-е годы. Новосибирск: СО РАН, 2020. 507 с.

Рынков В.М. Методы и результаты проведения хлебозаготовительной кампании 1940–1941 годов в Новосибирской области // Сибирь в XVII–XX веках: проблемы политической и социальной истории: Бахрушинские чтения 1999–2000 гг. Новосибирск, 2002. С. 157–176.

Сельское хозяйство Сибири в XX веке: проблемы развития и кризисы / В.А. Ильиных, С.Н. Андреенков, В.М. Рынков [и др.]. Новосибирск: Сибпринт, 2012. 408 с.

Шарапов С.В. Сельское хозяйство Новосибирской области и Алтайского края накануне Великой Отечественной войны: экономический и социально-политический аспекты // Гуманитарные науки в Сибири. 2021. Т. 28. № 1. С. 81–88.

Шарапов С.В. Уборочная и хлебозаготовительная кампании в Новосибирской области в 1941 году // Исторический курьер. 2020. № 3. С. 176–187 [Электронный ресурс]. URL: <http://istkurier.ru/data/2020/ISTKURIER-2020-3-17.pdf> (дата обращения: 10.05.2021).

Шарапов С.В. Хлебозаготовки в Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны: планы и результаты // ЭКО. 2021. Т. 51. № 5. С. 155–174.

References

Arutyunyan, U.V. (1970). *Sovetskoye krestyanstvo v gody Velikoy Otechestvennoy voyny* [Soviet Peasantry During the Great Patriotic War]. Moscow, Nauka. 459 p.

Il'inykh, V.A. (2004). *Nalogovo-podatnoye oblozheniye sibirskoy derevni. Konets 1920-kh – nachalo 1950-kh gg.* [Taxation of the Siberian Village. Late 1920s – Early 1950s]. Novosibirsk, GUP RPO SO RASHN. 167 p.

⁶⁰ ГАНО. Ф. П-4. Оп. 33. Д. 655. 119 об. – 120.

⁶¹ Шарапов С.В. Хлебозаготовки в Западной Сибири... С. 161.

Il'inykh, V.A., Andreenkov, S.N., Rynkov, V.M. (2012). *Selskoye khozyaystvo v Sibiri v XX veke: problemy razvitiya i krizisy* [Siberian Agriculture in the 20th Century: Development Problems and Crises]. Novosibirsk, Sibprint. 408 p.

Il'inykh, V.A., Laperdin, V.B. (2020). *Khlebozagotovki v Sibiri v 1930-e gody* [Grain Procurement in Siberia in the 1930s]. Novosibirsk, SO RAN. 507 p.

Rynkov, V.M. (2002). *Metody i rezul'taty provedeniya khlebozagotovitel'noy kampanii 1940–1941 godov v Novosibirskoy oblasti* [Methods and Results of the Grain Collection Campaign of 1940–1941 in the Novosibirsk Region] In V.I. Shishkin (Ed.). *Sibir v XVII–XX vekah: problemy politicheskoy i sotsialnoy istorii: Bakhrushinskiye chteniya 1999–2000 gg.: mezhvuz. sb. nauch. tr.* Novosibirsk, Novosib. gos. un-t, pp. 157–176.

Sharapov, S.V. (2020). *Sel'skoye khozyaystvo Novosibirskoy oblasti i Altayskogo kraya nakunne Velikoy Otechestvennoy voyny* [The State of Agriculture in Novosibirsk and Altai Regions on the Eve of the Great Patriotic War: Economic and Socio-Political Aspects] In *Gumanitarniye nauki v Sibiri*. Vol. 28, No. 1, pp. 81–88. DOI: 10.15372/HSS20210111

Sharapov, S.V. (2020). *Uborochnaya i khlebozagotovitel'naya kampanii v Novosibirskoy oblasti v 1941 godu* [Harvesting and Grain Collection in Novosibirsk Region in 1941]. In *Istoricheskij kurier*. No. 3 (11), pp. 176–187. URL: <http://istkurier.ru/data/2020/ISTKURIER-2020-3-17.pdf> (date of access: 30.06.2021).

Sharapov, S.V. (2021). *Khlebozagotovki v Sibiri v gody Velikoy Otechestvennoy voyny: plany i rezul'taty* [Grain Procurement in Western Siberia During the Great Patriotic War: Plans and Results] In *EKO*. Vol. 51, No. 5, pp. 155–174

Статья поступила в редакцию 19.05.2021 г.